

Вероятно, в тот момент, когда Е Ваньсин всё осознал, в нём произошли изменения, которых он сам не заметил. Хотя он не мог этого знать, но другие главные актёры, а также режиссёры, наблюдавшие за его игрой из-за камеры, видели эту перемену.

Е Ваньсин был подобен фениксу, возродившемуся из пепла. Если раньше его актёрское мастерство было просто хорошим, то это не было ложью.

Однако режиссёр всегда замечал одну не очень хорошую черту у Е Ваньсина. Для обычного человека это, может, и не имело значения, но для артиста это сильно влияло на его дальнейшее развитие.

В Е Ваньсине не хватало юношеского задора и жизненной силы, свойственных молодым людям. Вместо этого в нём преобладала усталость взрослого человека, прошедшего через все тяготы мирской суеты.

Если бы эти два качества сосуществовали, они создавали бы яркий контраст, привлекающий внимание. Но у Е Ваньсина было не так. Его задора и жизненной силы было слишком мало, а его манера поведения была слишком зрелой, из-за чего все постоянно забывали, что он на самом деле ребёнок, едва достигший совершеннолетия.

Но сейчас...

— Это роза? — Робот не может испытывать эмоций, это все знали.

Но в этот момент, глядя на робота, который словно нашёл любимое сокровище, на его слегка приподнятый тон и неудержимо блестящие глаза, все единодушно решили, что этот робот действительно похож на ребёнка. Ребёнка, который только что родился и знает всё об этом мире, но никогда по-настоящему с ним не соприкасался.

Роберт не обращал внимания на взгляды людей. Он повернул голову к их лидеру. Вспомнив сцену, которую он видел два дня назад, он осторожно сорвал розу, поднял её и опустился на колени перед лидером людей, словно с неуверенностью спрашивая: «Она мне очень нравится, ты можешь подарить её мне?»

Все замерли. Почему Роберт, которому так нравится этот цветок, просит, чтобы ему его подарили?

— Снято! — проревел режиссёр, и выражения лиц всех застыли в этот момент.

Роберт тоже убрал с лица эмоции, его черты расслабились. Он поднял розу, которая, как говорили, была настоящей из специально созданного для съёмок миниатюрного сада, и поднёс её к носу, вдыхая аромат. Запах был слабым, но всё ещё освежающим.

— ... — Режиссёр, только что зажавший сигарету в зубах, проследил за взглядом ошеломлённого оператора. Юноша, прекраснее цветка, с изящными и утончёнными чертами лица, с гладкой, словно фарфоровой кожей. Он всё ещё был худощав, но все помнили его впечатляющую фигуру. Если боги существуют, то они, вероятно, чрезмерно одарили этого мальчика. Его улыбка была едва заметной, но, словно ручей, впадающий в море, она постепенно поглощала, не давая отвести от него взгляд.

— Маленький искуситель, — выплюнув сигарету, режиссёр не удержался от ругательства, но в душе у него бушевала буря. Он не знал, что пережил Е Ваньсин, но видел, что таинственные оковы, сковывавшие его раньше, спали. Теперь у Е Ваньсина был потенциал взобраться на

вершину шоу-бизнеса!

— Похоже, надо будет хорошенько угостить Сяо Цзи... — Вспомнив У Цзи, который настоятельно рекомендовал ему этот самородок, режиссёр потёр нос. Сначала он был недоволен, что ему навязали кого-то по знакомству, к тому же в то время слухи о Е Ваньсине гремели на весь город, и он вовсе не хотел его брать. Но У Цзи настоял на том, чтобы он утвердил Е Ваньсина, потому что ни один из запасных актёров не смог передать то чувство, которое они оба искали.

Е Ваньсин, конечно, не знал, что в глазах всех он стал новым эталоном красоты. Сейчас его мысли были яснее, чем когда-либо: что делать, чего он хочет. Возможно, перерождение дало ему слишком много преимуществ, и он потерял понимание того, чего на самом деле хочет. Но с тех пор, как он забыл о прошлом, у него появилось больше новых идей, больше желаний.

Чтобы не упустить эту перемену в Е Ваньсине, режиссёр специально перенёс съёмки сцен, где Роберт постепенно превращается в настоящего человека, его бессознательные изменения, наложив их на нынешнюю трансформацию самого Е Ваньсина.

Эффект превзошёл все ожидания. Роберт на экране, можно сказать, шаг за шагом превращался из робота, которым его все считали, в существо, заставляющее сомневаться в собственных глазах: «Это... действительно просто робот?». В конце концов, кто сказал, что робот не может иметь свои чувства, как человек? Ведь их создали самые настоящие люди.

Такой сюрприз на съёмках очень порадовал режиссёра. Он предъявлял к этому фильму высокие требования. С таким сюжетом он, по сути, метил на награды. Поэтому он не тратил огромные средства на пост-продакшн, а для большей реалистичности объездил все неизведанные первобытные леса страны, чтобы найти то самое чувство, которое искал.

Этим фильмом он хотел получить награду. Не какую-то незначительную, а высшую награду в индустрии, признанную как отечественными, так и зарубежными СМИ.

Однако до сегодняшнего дня он не верил, что сможет её получить. Для успеха хорошего фильма необходимо одновременное сочетание многих факторов. И самый важный из них, конечно же, — актёрская игра.

Можно сказать, что актёрская игра иногда становится ключевым фактором, определяющим, запомнится ли фильм. Как в том фильме, который всегда занимает первые места в рейтингах. Конечно, сценарий был очень успешным. Но подобные сценарии могут написать многие, однако не все актёры могут уловить то, что хочет режиссёр, и, следуя его видению и центральной идее сценария, идеально передать всё, что нужно.

В том эпическом фильме самым запоминающимся был главный герой. Он был подобен утренней звезде. Иногда тучи могут скрыть её, или в ярком свете дня её не разглядеть. Но когда вы разгоняете тучи в своей душе и смотрите на неё в темноте, она так ярка, что невозможно забыть её свет, и в сердце навсегда запечатлевается слово «надежда».

Может, и он нашёл свою надежду? Режиссёр посмотрел на Е Ваньсина, сияющего, как только что протёртая утренняя звезда, и на его лице появилась редкая нежная улыбка. Но его взгляд был немного расфокусирован, словно он смотрел не на Е Ваньсина, а сквозь него, в какое-то другое, никому не известное место.

* * *

Как оказалось, одна ладонь не хлопает, а две — просто убивают.

Несколько главных актёров съёмочной группы «Розы», включая в последнее время несколько нездорового помощника режиссёра, быстро обнаружили, что два самых важных человека в их группе, вероятно, сговорились и сошли с ума.

Е Ваньсин и раньше был настолько усерден, что все чувствовали себя неловко. Но в последнее время он, словно под действием какого-то любовного зелья, каждый день работал на износ, то и дело выдавая взрывные актёрские моменты. Если бы их самих не затягивало в его игру, они бы уже не смогли продолжать!

И это ещё не всё! Сердце и так было не на месте! Но был ещё режиссёр, который делал всё ещё хуже! Он постоянно ставил им в пример Е Ваньсина. Если так пойдёт и дальше, этот фильм будет невозможно снять.

На этот раз конфликт был довольно серьёзным. В конце концов, не все были готовы полностью посвятить себя одному фильму. Многие из них, выйдя из павильона, имели другие дела. Иногда они с улыбкой участвовали в развлекательных шоу, а потом возвращались в несколько мрачную атмосферу съёмочной площадки.

Раз, другой ещё можно было стерпеть, но когда это стало повторяться, кто-то не выдержал и начал за спиной жаловаться на Е Ваньсина.

— Как будто только он умеет играть. Да это потому, что у него нет других дел, вот и есть время и учиться, и над ролью работать. Режиссёр, похоже, тоже ослеп. Если бы я так 24 часа в сутки сидел над сценарием, я бы тоже смог хорошо сыграть. Как будто все такие же незаметные, как он. Я сейчас так занят, что даже сплю по расписанию, а он, видите ли, целыми днями красуется перед режиссёром, выставляя нас всех пылью.

Вэнь Ли, игравший второго главного героя, в очередной раз опоздав на несколько минут из-за других дел и получив выговор от режиссёра за небрежный грим, наконец-то выплеснул свой гнев в гримёрке. Все присутствующие либо молча работали, опустив головы, либо делали вид, что смотрят в телефон. Никто не осмеливался ему ответить.

Его ассистент, хотя и хотел поддакивать, но агент много раз предупреждал его не потакать Вэнь Ли, когда тот в гневе, и следить за его языком. Поэтому он быстро перевёл разговор на другую тему и незаметно несколько раз сжал ладонь Вэнь Ли — это был их условный знак.

Когда он сжимал ладонь Вэнь Ли, тот, в какой бы ситуации ни находился, должен был замолчать, пока рядом не будет посторонних или они не вернутся в свой трейлер.

Хотя Вэнь Ли был в ярости, он всегда подчинялся этому условному знаку, установленному его властным и способным агентом. Именно благодаря этому он, со своим вспыльчивым характером, смог дойти до сегодняшнего дня. Он надулся и сел, позволяя гримёру поправить ему грим, и больше ничего не говорил.

Атмосфера в гримёрке была напряжённой, и все старались поскорее уйти. Те, у кого не было дел, вышли подышать свежим воздухом, а остальные, закончив свои дела, забились в углы, сливаясь с тенью.

Когда никого не осталось, ассистент подошёл к Вэнь Ли, который выглядел как обиженный ребёнок, чтобы его успокоить.

— Брат Вэнь, гнев гневом, но не забывай, сколько усилий приложил агент, чтобы ты получил эту роль. Если что-то пойдёт не так, следующую хорошую роль будет получить не так-то просто, — сказал он искренне. Ассистент работал только с одним артистом, а у агента их было несколько.

Гнев Вэнь Ли тут же угас. Он понуро опустил голову. Ассистент был прав, он, конечно, это знал. В руках его сильного агента было много ресурсов, за которые боролись все его подопечные. Да и он сам, разве не ради ресурсов он всегда слушал агента и сдерживал свой вспыльчивый характер?

Ассистент, видя, что тот всё понял, вздохнул с облегчением. Они молча посмотрели друг на друга, и Вэнь Ли, похлопав себя по щекам, встал.

— Ладно, всё в порядке. Всего лишь актёрская игра. В крайнем случае, поработаю сегодня подольше. Только не следи за мной слишком строго. Если не буду есть побольше, боюсь, не выдержу.

Ассистент улыбнулся.

— Конечно. К тому же, в последнее время у тебя нет мероприятий, где нужно следить за фигурой. Сегодня можешь поесть вволю.

Вэнь Ли похлопал его по плечу.

— Ты лучший, настоящий друг!

Если ему не дать хоть немного удовлетворить свой аппетит, жизнь станет совсем бессмысленной. Ассистент это понимал. Когда Вэнь Ли ушёл, ассистент заметил, что его телефон остался на столе, и поспешно взял его.

В наше время в телефонах столько личной информации, нельзя, чтобы кто-то её увидел. Он похлопал по карману и с облегчением решил пойти к администратору и договориться, чтобы сегодня не заказывали им обычный обед, а заказали для брата Вэня что-то другое.

— Слишком слабая бдительность, — когда в гримёрке никого не осталось, из тени вышел Лун У. Он покачал головой, глядя в сторону ушедшего ассистента. Хотя в том телефоне и не было ничего важного, но если бы его увидел кто-то с дурными намерениями, Вэнь Ли было бы не сдобровать.

Думая о своём, он не мешкая отправил несколько фотографий, которые сам не смог сделать, на знакомый номер. Сегодня он обнаружил, что в съёмочной группе все — мастера тайной съёмки, и качество многих фотографий было гораздо выше, чем у него.

Телефон, который обычно получал сообщения, завибрировал. Цинь Цун бессознательно взял его и открыл. Юноша был виден только в профиль, он слегка прикрыл глаза, его ноздри, казалось, слегка подрагивали, вдыхая аромат яркой розы в руке. Роза была страстной, как огонь, и его юноша, словно безымянное пламя, мгновенно зажгёт его глаза.

Цинь Цун усмехнулся и отправил эту фотографию своему генеральному секретарю.

Генеральный секретарь, увидев такое выражение на лице своего босса на совещании, понял, что его ждёт дополнительный доход. Когда после совещания он открыл телефон и увидел фотографию юноши, прекрасного, как цветок, он спокойно отметил, что благодарен своему

особому хобби, которое позволяет ему, помимо основной работы, получать ещё один неплохой доход. Наконец-то он сможет купить десять порций говядины Кобе высшего сорта от ЕС, которая вышла в прошлом месяце.

Кстати, стоит упомянуть, что его особое хобби — это погоня за всем прекрасным, превращение его в фотографии в изящных рамках и размещение их в подходящих местах.

Е Ваньсин открыл рот, чтобы прикусить колпачок ручки, но тут же в его рот была вставлена шоколадная палочка.

— Лун У... — хрустя палочкой, Е Ваньсин беспомощно посмотрел на своего вездесущего ассистента.

Лун У, помолчав, с трудом выдавил несколько слов:

— Говорят, в дождливый день шоколадные палочки и учёба лучше сочетаются, да?

— Пфф. Ладно, сдаюсь, — чуть не подавившись, Е Ваньсин отложил ручку, взял у Лун У коробочку с шоколадными палочками и захрустел ими в такт шуму дождя за окном.

— Согласно прогнозу погоды, сегодня ночью температура опустится на 2-5 градусов. Я уже поменял одеяло на новое, — открыв заметки на телефоне, Лун У, как обычно, зачитал свои записи.

— Угу, и что ещё? — Хруст оказался на удивление приятным. Е Ваньсин, развеселившись, принялся с черепашьей скоростью медленно просовывать палочку между зубами, откусывать и снова просовывать. Этот завораживающий ритм заставил Лун У чуть не забыть, что он хотел сказать.

— И... и ещё...

— И ещё недавно звонил агент Чжао, просил, чтобы ты перезвонил ему, у него есть дело. Кроме того, в это время, брат Е, ты обычно звонишь господину Циню.

Чётко доложив, Лун У выключил экран телефона и снова убрал его в какое-то неведомое место. Е Ваньсин так и не мог понять, где Лун У держит свой телефон, если только тот не был у него в руках.

— М-м? — промычал Е Ваньсин. Он, конечно, знал, что в это время обычно звонит Цинь Цуню. Но сегодня вечером его мучил один вопрос, и он не знал, стоит ли звонить.

Кстати, зачем ему звонил брат Чжао? Отложив коробку, в которой осталась ещё половина палочек, Е Ваньсин взял телефон и набрал номер Чжао Сюньфэна.

— Ну ты и занятой человек, только сейчас перезваниваешь, — жуя виноградину, Чжао Сюньфэн просматривал документы и не удержался от того, чтобы подколоть Е Ваньсина, который, казалось, был занят больше него.

— Да так, учусь усердно, стремлюсь к знаниям! — подойдя к кровати, Е Ваньсин с удовольствием перекатился на ней, оценив тепло нового одеяла, и показал Лун У большой палец.

— Ладно, ладно, знаю, что у тебя экзамены. Постарайся, не завали. Некоторые бездельники

любят писать всякую чушь об этом, — словно от того, сколько баллов наберёт кто-то другой, можно заработать миллионы. Чжао Сюньфэн всегда ненавидел такие бессмысленные репортажи.

— Угу, понял. Брат Чжао, зачем ты мне звонил? — спрыгнув с кровати, Е Ваньсин не удержался и снова взял шоколадную палочку, постукивая ей по зубам.

— Да ничего особенного, просто хотел спросить, тот по фамилии Шао больше тебя не беспокоил? — просмотрев несколько предложений о коммерческих выступлениях, Чжао Сюньфэн чуть не рассмеялся от злости и швырнул стопку однотипных документов в угол.

— Нет, не беспокоил, — он специально попросил Лун У присмотреть за этим, но, похоже, тот действительно не собирался его больше донимать. Е Ваньсин, не заметив, чуть не откусил себе палец и с опаской отложил коробку.

— Ну и хорошо. Продолжай в том же духе. Когда заканчиваются съёмки, скажи мне. И ещё, когда у тебя экзамены? Нужно, чтобы кто-то тебя отвёз?

Выбрав несколько более-менее приличных предложений, Чжао Сюньфэн сел и принялся их просматривать.

Приглашение от бренда высокой моды Edward? Чжао Сюньфэн отбросил остальные документы и внимательно вчитался.

Это был бренд Edward, который недавно вышел на местный рынок. Он хорошо помнил этот бренд. Изначально это был бренд из страны М, поставлявший одежду для молодых членов королевской семьи. Но с наступлением нового века он постепенно стал более доступным для широкой публики. Хотя он по-прежнему обслуживал королевскую семью, появилось новое ответвление, YE, что означало «молодой Эдвард», для привлечения массового потребителя.

YE существует на местном рынке уже пять лет. Первые два года из-за неправильного позиционирования и неверного понимания местных особенностей у них были проблемы с контролем рынка. Но за последние три года они успешно нашли подходящие элементы, интегрировав новые творческие идеи в молодёжную одежду с учётом местной культуры, и стали одним из самых любимых брендов среди молодёжи. К тому же, они открыли новую производственную линию прямо в стране, что сделало цены более доступными, и многие молодые люди полюбили этот бренд.

Вспомнив это, Чжао Сюньфэн понял, почему YE заинтересовался Е Ваньсином. Честно говоря, стиль YE сам по себе был немного унисекс, многие вещи подходили как мужчинам, так и женщинам. А фотографии Е Ваньсина со съёмок «Розы» были как раз в таком безликом, андрогинном стиле. Для YE, с их всё ещё американским мышлением, такой стиль был как раз по вкусу.

— Брат Чжао? Брат Чжао!

— Я слышу, не кричи так громко.

Пожав плечами, Е Ваньсин сел за стол.

— Я уже три раза повторил и пять раз тебя позвал, и только сейчас ты услышал. Как думаешь, мне нужно было кричать громче?

— Ладно, моя вина. Но у меня сейчас дела, поговорим потом. Кстати, на экзамены пусть с тобой едет Лун У, он всё равно за мной не пойдёт, — щёлкнув, он решительно повесил трубку. Чжао Сюньфэн, держа документы, подошёл к ноутбуку и начал быстро искать информацию о УЕ. Он хотел посмотреть их рекламные материалы за последние два года, чтобы понять, действительно ли этот стиль подходит Е Ваньсину.

— Ту-у-у... — Е Ваньсин с безразличным видом уставился на телефон, с которого безжалостно сбросили звонок. Он как раз говорил, что на экзамены с ним поедет Лун У. О чём брат Чжао вообще думал?

Лун У сочувственно посмотрел на него из-за спины. Е Ваньсин вздохнул. В наше время жизнь нелегка.

— Учёба делает меня беззаботным, — произнёс он философскую фразу и снова погрузился в чтение. Но в его голове крутилась одна мысль: он что-то забыл?

Прождав весь вечер и не дождавшись обычного звонка от своего возлюбленного, лицо Цинь Цуна постепенно окаменело и рассыпалось в пыль. Его указательный палец тоскливо поглаживал новую фоторамку, на которой был изображён робот, настолько живой, что с первого взгляда было понятно, что он наполнен человеческими эмоциями. На душе было очень тоскливо.

— Господин Цинь? — Уильям, его партнёр, сидевший через проход в самолёте, летевшем в Лондон, был в недоумении. Почему господин Цинь с тех пор, как сел в самолёт, не отрывает взгляда от телефона и фоторамки?

Он попытался вытянуть шею, чтобы разглядеть человека на фотографии, но, к сожалению, старый Уильям был уже слишком стар, и без очков он мог видеть лишь размытый силуэт. Он очень сожалел об этом, ему действительно было любопытно, кто так занимает внимание господина Циня.

— На ней ваша возлюбленная? — долго думал старый Уильям, но так и не смог вспомнить, как по-китайски будет «возлюбленная», поэтому, смешав свой ломаный китайский с чистым лондонским акцентом, он привлёк внимание Цинь Цуна.

— Почему господин Уильям на этот раз специально прилетел в Китай? — незаметно перевернув фоторамку лицом вниз и прижав её телефоном, Цинь Цун достал салфетку, вытер руки и равнодушно спросил.

— О, мы ведь всегда были хорошими партнёрами, не так ли? Раз господин Цинь недоволен этим контрактом, я, конечно, должен был прилететь, чтобы показать нашу дружбу и искренность, — преувеличенная манера речи, свойственная западным людям, была характерна для старого Уильяма. Его лицо выражало крайнее удивление, словно Цинь Цун задал ему самый смешной вопрос на свете.

— Но, насколько я знаю, сейчас в семье Уильям правите не вы, — надев маску для сна, Цинь Цун попытался унять ноющую боль в уголке глаза, которая всегда появлялась во время полётов. Он погрузился в темноту, и в следующую секунду, как он и ожидал, старый Уильям вскочил.

— Эй, господин Цинь, хотя старый Уильям больше не глава семьи, у него всё ещё достаточно сил, чтобы подписать этот контракт, — его красное лицо, то ли от природы, то ли от гнева, и большая борода дрожали, словно он был в ярости.

— Надеюсь, — после нескольких дней непрерывной работы мозг Цинь Цуна был напряжён до предела. Раньше каждый вечер его успокаивали звонки возлюбленного, но сегодня вечером он чувствовал, что напряжение нарастает, и если он не будет осторожен, то может сорваться и навредить себе.

Увидев, что господин Цинь уже надел маску и закрыл глаза, два телохранителя в чёрных костюмах быстро схватили возбуждённого старого Уильяма и усадили его на место. Если бы старый Уильям, привыкший к их манерам, не успокоился сразу, они бы уже приготовили кляп, чтобы избавить господина Циня от лишнего шума.

Полёт в Лондон был долгим. Цинь Цун трижды снимал маску и каждый раз видел спящего мертвецким сном старого Уильяма. Один раз он даже пустил слюну на свою бороду, совершенно не заботясь о приличиях.

Но Цинь Цуна сон не брал. Только он знал, что каждый раз, когда он закрывает глаза, его окутывает тьма, и в ушах повторяются голоса, которые он так не хочет слышать, повторяя слова, о которых он не хочет думать.

Хотя он знал, что всё это неправда, лишь плод его воображения, он не мог остановить эти повторяющиеся в голове слова. И так будет до тех пор, пока однажды он не сломается под их натиском, и только тогда они, возможно, оставят его в покое.

Губы постепенно сжались в тонкую линию. Плохое настроение Цинь Цуна заметили его телохранители, Брат Ин и Бяоцзы.

— Господин Цинь, может, пора принять лекарство? — Бяоцзы, прошедший с Цинь Цуном через огонь и воду, был ему самым близким другом и мог говорить с ним на равных. Он наклонился, и его грубоватый вид скрывал заботу, превосходящую женскую. Он с тревогой посмотрел на побледневшее лицо Цинь Цуна.

Цинь Цун не ответил, а вместо этого задал Бяоцзы странный вопрос:

— Как думаешь, почему сокровище вчера мне не позвонило?

Господин Цинь заболел и первым делом спрашивает об этом? Бяоцзы тут же понял, что кроется за этим вопросом, и решительно взял свой телефон для связи с Лун У.

— Господин Цинь, подождите, я сейчас спрошу у Лун У.

— Не... — голос Цинь Цуна был слабым. Бяоцзы сделал вид, что не слышит, и спокойно набрал номер Лун У, с места в карьер начав разговор:

— Господин Цинь вчера не получил звонка.

Лун У тут же понял, о чём речь. Он посмотрел на снимающегося Е Ваньсина, огляделся, чтобы убедиться, что его никто не слышит, и передал Бяоцзы ответ, который он с трудом выпытал вчера вечером.

— Господин Е... весь вечер мучился, как называть господина Циня.

Бяоцзы тут же передал слова Лун У. Цинь Цун замер, не веря своим ушам.

— Что ты сказал?

— Господин Е весь вечер мучился, как вас называть, — Бяоцзы слово в слово повторил, добавив, как ему показалось, подходящее недоуменное выражение лица, чтобы господин Цинь всё понял досконально.

— Ха, ха-ха, — Цинь Цун не удержался и тихо рассмеялся. Он поднял перевёрнутую фоторамку и, глядя на юношу на фотографии, почти живо представил, как тот после его звонка весь вечер ворочается в постели, мучаясь этим вопросом. Может, даже задумавшись, ударился о стену, тихо вскрикнул и продолжил ворочаться.

Мрак в его душе словно развеял свежий ветерок. Цинь Цун с улыбкой велел Бяоцзы повесить трубку. Бяоцзы, с одной стороны, вздохнул с облегчением, а с другой, забеспокоился: не стоит ли после приземления отвезти господина Циня к врачу.

В последнее время господин Цинь часто был на грани срыва. Хотя несколько раз ему удавалось избежать этого, Бяоцзы не забыл, что в прошлый раз срыв всё-таки произошёл. Врач говорил, что если так пойдёт и дальше, и господин Цинь не начнёт полноценное лечение, то однажды, когда болезнь окончательно возьмёт верх, они могут и не справиться.

Может, когда вернутся старший господин Цинь и госпожа, попросить их и дворецкого уговорить его?

Крупный, но заботливый, как мамочка, Бяоцзы строил свои планы. Цинь Цун же, придя в себя после звонка, оставшуюся часть полёта с хорошим настроением смотрел на фоторамку, мысленно гадая, какое же прозвище в итоге придумает ему юноша. То, что раньше казалось ему скучным, благодаря другому человеку стало интересным.

Старый Уильям, которому было неловко открывать глаза из-за слюны на бороде, подслушал бесплатное представление и почувствовал, что его поездка в страну С принесла немало плодов.

Он вдруг вспомнил слух о том, что у господина Циня появился очень настойчивый юноша, который крепко его держит. Тогда он счёл это шуткой, но теперь, похоже, это правда.

Старый Уильям прищурился. Лучик утреннего света упал на фоторамку. Он не мог разглядеть лицо человека на ней, но отчётливо запомнил серебристые волосы и яркую алую розу в руке.

Роберт, сопровождаемый словами своего создателя о его любимых розах, тихо закончил свою жизнь. Там, где цвели розы, он лежал среди их ярких лепестков, его лицо было таким же, как и в тот день, когда они впервые его увидели...

— Снято! — режиссёр нахмурился, глядя на отснятый материал. Что-то было не так. Посмотрев ещё немного, он поманил к себе Е Ваньсина.

— Что случилось, режиссёр? — Е Ваньсин подошёл, и режиссёр убедился, что ему не показалось. Откуда у Е Ваньсина на лбу появилась небольшая шишка?

— Это, — режиссёр показал на то место у себя на лбу. — Что это?

Смущённо потрогав шишку, Е Ваньсин неловко наклонился и тихо сказал:

— Вчера ночью в постели ударился, — даже без румян его лицо было красным. Ему было очень неловко.

Когда ему делали грим, сестра Цзяоцзяо уже сфотографировала его на память и всё время причитала, что шишку трудно скрыть, и режиссёр наверняка заметит. И вот, он действительно заметил...

...В какой же позе нужно было быть, чтобы удариться в таком неловком месте? — выразил режиссёр свой шок взглядом.

Е Ваньсину стало ещё неловчее. Он мог бы сказать, что придумал одно... довольно пикантное прозвище, и, не заметив, чуть не упал с кровати. Он успел удержаться, но вот ударился довольно неловко.

— Ладно, сегодня даю тебе выходной, катись отсюда. Если завтра эта штука всё ещё будет у тебя на лбу, то жди... — он замахнулся, делая вид, что хочет ударить. Е Ваньсин быстро увернулся и, смеясь, как ребёнок, получивший высший балл, убежал.

— Спасибо, режиссёр, я тогда пошёл гулять~ — со смехом удаляясь, он оставил режиссёра, который с досадой смотрел ему вслед. Всего лишь дал ему один выходной, а он так радуется.

— Ладно, ладно, у остальных полчаса на сборы, потом будем снимать дневную сцену, — повернувшись, он снова стал тем самым режиссёром с львиным рыком и взрывным характером. Все поспешили заняться своими делами. Вэнь Ли и его ассистент переглянулись, в их глазах промелькнула зависть и беспомощность.

Агент, выслушав ежедневный отчёт ассистента, лично приехал на съёмочную площадку и устроил им всем взбучку, уделив особое внимание актёрской игре и отношению к режиссёру. Только тогда они поняли, что любой режиссёр, конечно, любит, когда актёры ценят его фильм и ставят его в приоритет. В этом Вэнь Ли не мог сравниться с Е Ваньсином. Точнее, никто во всей съёмочной группе не мог. То, что режиссёр был к нему пристрастен, было вполне объяснимо.

— Брат Вэнь, раз его сегодня днём не будет, то ты... — ассистент, вспомнив слова агента, тихонько напомнил Вэнь Ли.

Вэнь Ли сначала не понял. Ассистент незаметно показал в сторону режиссёра, и только тогда он вспомнил вторую часть наставлений агента: быть более инициативным и налаживать отношения с режиссёром. Даже если он не умеет говорить, то хотя бы после съёмок подходить и спрашивать, доволен ли режиссёр, нужно ли что-то изменить.

Нужно хотя бы создать у режиссёра впечатление, что он очень ценит эту роль. Чтобы режиссёр не помнил его только как того актёра, который постоянно опаздывает и вечно занят, словно он важнее главного героя.

— Я понял, — Вэнь Ли кивнул и глубоко вздохнул. У него был скверный характер и он не умел говорить, но агент всё разжевал ему до мелочей. Если он и этого не поймёт, то ему нечего делать в этой индустрии.

К тому же, агент потом ещё раз поймал его и painstakingly напомнил ему, чтобы он не вздумал устраивать в съёмочной группе какие-то скандалы. Пока фильм не вышел, успех или провал — общее дело, и не нужно делать ничего, что навредит другим и не принесёт пользы себе. Если он хочет получать лучшие роли и стать более популярным, нужно больше стараться, как в начале карьеры.

После наставлений агента Вэнь Ли исправил свою привычку работать вполсилы, чтобы

сэкономить энергию. Он специально договорился с агентом, чтобы тайно есть побольше. Его речь стала более выразительной, и он стал более вживаться в роль. Он ведь был профессиональным актёром. Когда он приложил усилия в нужном месте, и рядом не было Е Ваньсина для сравнения, он сразу стал самым заметным.

Другие главные актёры не обратили на это особого внимания. Они привыкли быть в тени Е Ваньсина, и никто не анализировал для них ситуацию, поэтому они продолжали играть как обычно.

Таким образом, днём во время съёмок режиссёр с удовлетворением обнаружил, что тот постоянно опаздывающий актёр наконец-то взялся за ум. Хотя и поздновато, но он хотя бы начал подходить и спрашивать, всё ли в порядке с ролью. Режиссёр, конечно, был рад, когда кто-то ценит актёрскую игру, и тут же схватил его и начал объяснять ему тонкости роли, тем самым незаметно переводя на него часть негативного внимания, которое раньше было направлено на Е Ваньсина.

<http://bllate.org/book/14939/1324066>